

«геополитических революциях», которые драматичным образом, в результате ряда определяющих изменений в геополитическом ансамбле государственной территории, формируют новые структуры исторического действия. При этом последующее развитие государства не исключает известного возвращения – на новом витке развития – к геоструктурным прототипам, сформированных в предшествующие периоды истории, т.е. в снятом виде включает их в «программу» дальнейшего геополитического развития.

1. См.: Paterson J.H. German Geopolitics Reassessed // *Political Geography Quarterly*. 1987, April. Vol. 6. No. 2. P. 107–114.
2. См.: Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. Изд. 3-е, дополн. М., 1999.
3. См.: Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М., 1996.
4. См.: Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М., 2004.
5. См.: Боден, Жан. Метод легкого познания истории. М., 2000.
6. См.: Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 157–734.
7. Муравьев А.В., Самаркин В.В. Историческая география эпохи феодализма (Западная Европа и Россия в V–XVII вв.). М., 1973. С. 3.
8. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1975. С. 373.
9. Там же. С. 318–319.
10. Kjellén-Björkquist, R. Rudolf Kjellén: En människa i tiden kring sekelskiftet. Del I. Stockholm, 1970. P. 38.
11. См. подробнее: Джонстон Р.Дж. География и географы. М., 1987.
12. Гидденс, Энтони. Структура, структуризация // Контексты современности I: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории. Казань, 2000. С. 42–43.
13. См. подробное описание этих эпизодов в: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. II. История России с древнейших времен. Т. 3–4. М., 1988. С. 279, 361–362.
14. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. Т. 5–6. М., 1989. С. 75, 143.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. С. 195.
16. Маккиндер Х.Дж. Круглый мир и достижение мира // Уральский исторический вестник. № 1. Екатеринбург, 1994. С. 153.
17. См.: Тихонравов Ю.В. Геополитика. М., 1998. С. 112.
18. *Political Geography in the Twentieth Century*. N.Y., 1993. P. 33.

Ильиных И.В.

**Политические технологии организации кампаний по
формированию легитимного образа власти на Урале
в конце 1920-х–начале 1930-х гг.**

Рубеж 1920-х–1930-х гг., характеризующийся усилением роли директивного планирования, административного контроля, проведением массовых кампаний, направленных на ускорение темпов социалистических преобразований, явился переломным периодом в процессе взаимодействия власти и общества. Для реализации поставленных задач модернизации страны правительством инициировался стремительный подъем социальной и общественной активности населения, определяемый нами как политическая мобилизация, под влиянием которой к рубежу 1920-х–1930-х гг. в стране сформировалось специфическое «политическое пространство». По определению О.Л. Лейбовича, в границах этого пространства согласовывались позиции власти и общества, обосновывались институциональные основания для реализации властных полномочий, конструировались властные стратегии, интерпретирующие делегирование гражданских прав представительным учреждениям (1).

Специфические условия периода «великого перелома» обусловили выбор в качестве одной из основных стратегий достижения государственных, партийных, корпоративных целей организацию массовых кампаний, представляющих собой трансформированные стихийные формы мобилизации.

Успешность реализации проводимых массовых кампаний зависела от взаимодействия трех основных структурообразующих компонентов: специфики восприятия населением власти и ее легитимности, степени массового вовлечения «советского обывателя» в общественно-политическое пространство в процессе общей «политизации» населения; качества разработки и внедрения идеологического механизма и агитационного алгоритма проведения мобилизационных мероприятий.

Облик и способ функционирования советской социально-политической системы, ядро которой составляла государственная власть, во многом определялся характером ее легитимности, предполагавшей согласование новых ценностей с нормативной

структурой общества. В трактовке понятия «легитимность государственной власти», мы придерживаемся классического определения М.Вебера что «легитимность – способность правящих групп формировать в массах убеждение, что именно данный порядок является лучшим из всех возможных», то есть легитимность – взаимообусловленный процесс с одной стороны «самооправдания» и рационального обоснования собственной власти со стороны «управляющих», а с другой стороны – оправдания и признания властных отношений со стороны управляемых.

Для проведения в жизнь намеченных кардинальных преобразований советскому и партийному руководству было необходимо сформировать положительный образ органов власти и легитимизировать свои полномочия. Для этого властными структурами формировались в нормативно-ценностном пространстве советского общества конструкты идеологического и этического содержания, усвоение которых изменяло внутренний мир людей, задавая определенные стереотипы восприятия действительности. Однако новые конструкты властных отношений становились значимы лишь для тех, кто изначально был предрасположен к их восприятию, заложенному не только в рефлексирующем сознании, но и в культурных архетипах. Поэтому для обоснования идеи собственной легитимности власть была вынуждена непосредственно согласовывать внедряемые извне установки и неосознаваемые «коды» поведения людей, пытаться соединить традиционные представления с элементами нового мировоззрения.

Анализируя отношение жителей городов и заводских поселков к структурам власти необходимо отметить противоречивость образа центральной и местной власти в глазах уральцев. В сознании людей верховная персонифицируемая власть идеализировалась, поскольку на уровне повседневного восприятия она освобождалась от моральной ответственности в связи с делегированием части своих властных полномочий социально-чуждой группе управленцев, использовавшей их в личных корыстных целях. Население городов и заводских поселков, сохраняя дореволюционные стереотипы восприятия практики управления, отрицательно относилось не к политике власти как главного организатора курса форсированной модернизации, а к действиям отдельных представителей властных структур, преимущественно низового уровня, что было выгодно центральной власти, сохраняющей таким образом собственный

авторитет. Сама же центральная власть мифологизировалась в сознании людей, сохраняла сакральный характер, обусловленный консервативностью мышления большинства населения страны.

Отношение к представителям верховной власти на рубеже 1920-х–1930-х гг. определялось сохранением традиций патернализма и «наивного монархизма», характерных для дореволюционной России и продолжавших влиять на содержание политического диалога и в советский период. Для нового «социалистического» сознания также было характерно "назначение" виновными представителей новой администрации. Недостаточное развитие социальной инфраструктуры, низкий уровень материального обеспечения, издержки производственного администрирования, изменение жизненных ценностей и приоритетов, разочарование в социалистических перспективах обуславливали поиск населением «виновных», в качестве которых чаще всего оказывались представители местной власти.

Такое отношение к местным властям, в одной стороны, было выгодно центральным структурам, которые таким образом сохраняли собственный авторитет, но, с другой стороны, недоверие к власти и апатия по отношению к успешности социалистического строительства препятствовали нормальному процессу реализации намеченного курса.

Понимания невозможность только при пассивном соучастии населения реализовать программу форсированной индустриализации, партийно-государственное руководство осознавало необходимость повышения эффективности работы, направленной на легитимизацию политического режима и укрепление авторитета правительства и ВКП(б), которая осуществлялась в контексте кампаний по политизации населения.

В процессе конструирования положительного образа власти и лояльного отношения к ней населения, особое значение приобретало формирование политической идентичности, которое должно было способствовать появлению устойчивых образцов политического поведения. Одним из основных способов политизации населения являлся прием «вовлечения во взаимодействие», который сводился к тому, чтобы подтолкнуть человека к конкретному незначительному действию и на его основе расширить зону совместного участия в решении проблемы. В этом случае решающую роль играл психологический фактор взаимных обязательств, когда человек

чувствовал ответственность за совершенный поступок и склонялся к последовательности в своих действиях и в необходимости согласия с властью.

Для формирования политической идентичности на ранних этапах становления личности привлекались все традиционные институты социализации, прежде всего образовательные учреждения. Символичным действием, способствовавшим приобщению к официальному «Я-образу», являлось ношение атрибутики новой идентичности: значков, галстуков, наруканных нашивок. Особо подчеркивалась необходимость освоения официального языка власти посредством разучивания речевок, гимнов, слоганов мобилизационных кампаний. Значительное влияние на формирование «советской» идентичности оказывали специфические молодежные политические организации, создававшие свою субкультуру.

По сравнению с молодежью, не имеющей иного опыта общественных отношений и поэтапно проходящей уровни политической социализации (от подражания родительским практикам социального поведения до усвоения четкого минимума политических знаний в образовательных учреждениях), выработка необходимой лояльности и активности у старших возрастных категорий вызывала ряд затруднений. В целях массовой политизации взрослого населения, воспитания «политически активного гражданина» власть активно использовала новые диалоговые формы взаимодействия с обществом. Такими символично-ритуальными мероприятиями являлись партийные, комсомольские, профсоюзные собрания, производственные совещания, ежедневные политинформации, индивидуальные и коллективные «читки» газет, радиопередачи, обучение в системе партийного просвещения, усвоение официального языка, торжественные заседания и демонстрации, «инициированное» вступление в ВКП(б), символизирующее «передачу - переход» лучших рабочих в ряды партии. Для создания положительного образа политической власти, разъяснения целей и содержания проводимого курса форсированной индустриализации к каждой ячейке, согласно инструкциям обкома ВКП(б), прикреплялся низовой агитатор, беседы с коллективами строились в духе разъяснения последних решений пленумов ЦК ВКП(б), обязательно пересекаясь с волнующими рабочих производственными, материальными и культурно-бытовыми вопросами.

Одним из основных условий успешного проведения кампаний по

легитимизации политической власти, с высокой степенью участия в них жителей городов, было создание целостного информационного поля, не допускающего вакуума в производственной, общественной, личной жизни граждан. Местные власти активно совмещать должностные идиомы с артикуляцией традиционных гражданских и семейных ценностей, апеллируя к необходимости защиты достижений революции и выполнения морального долга построения социализма (2).

Руководители властных структур, осознавая рост негативных реакций населения на отдельные мероприятия по легитимизации власти, стремились пропагандировать образцы политического поведения, активно привлекая к освещению массовых политических акций местные средства информации (3). Учитывая психологическую особенность традиционного общественного сознания, ориентированного на усвоение чужого мнения, и недостаточный, для обоснования собственной точки зрения, уровень культуры и политической грамотности основной массы населения, власть со страниц средств массовой информации «предлагала «верить» успешности проводимого курса. Материалы печати преподносились как «школьная шпаргалка», необходимая для усвоения «нового материала».

Легитимизируя собственные властные полномочия на рубеже 1920-х–1930-х гг., власть активно использовала фактор революционной преемственности, артикулируемый в ходе агитационно-массовой работы в связи с годовщинами революционных событий. При проведении торжеств, посвященных 25-летию со дня начала Первой русской революции, все члены низовых ячеек ВКП(б) должны были активно «прорабатывать» в кружках политграмоты историю революционного движения 1905 г., в обязательном порядке посещая музей революции. Партийные органы, понимая важность политической социализации молодежи, для формирования у нового поколения позитивного отношения к власти активно использовали воспоминания участников революционных событий. Одной из особенностей трактовки устных свидетельств в качестве агитационного средства являлось постепенное изменение их содержательной стороны. Из воспоминаний исчезали компрометирующие большевиков факты, «высвечивался» ореол героизма и верность идеалам, что обуславливало особую ценность «революционной» власти, мифологизируемой в сознании молодежи.

В ходе кампаний по легитимизации власти ее участники апеллировали к авторитету живых и умерших революционных лидеров, в планах работы культмассовых секторов предприятий и организаций значились ежегодные «ленинские дни». Эффективность проведения данной кампании подробно показана в советской литературе. В то же время образ непогрешимого вождя революции вызывал и негативные реакции в рабочей среде. Критически отзываясь о В.И. Ленине, характеризуя его сопричастность к созданию сложившейся кризисной ситуации, городские жители, сами того не замечая, наделяли «Ильича» сверхчеловеческими качествами. Например, сразу в нескольких информационных записках окружного и областного комитетов ВКП(б) приводятся типичные по содержанию высказывания такого рода: «Это все Ленин смутил и на тот свет ушел, а все мутит. Даже погода не может восстановиться, то дожди, то засуха» (4).

Оценивая ярко выраженный в «письмах во власть» дефицит социального оптимизма как следствие «синдрома обманутых надежд», власть стремилась формировать в общественном сознании через позитивно окрашенные перспективы «социалистического строительства», положительный образ эпохи и собственного курса форсированной модернизации страны.

Регулярно отслеживая в ходе политического мониторинга распространение среди жителей городов и заводских поселков аналогичных по содержанию высказываний, негативно характеризующих по преимуществу местную власть, руководство страны, осуществляя идеологический прессинг, пыталось изменить настроения населения в свою пользу. В качестве основных стратегий формирования необходимого позитивного образа власти было создание у населения представления о ней как «своей», «родной», «в боях завоеванной». По логике рассуждения советских идеологов, человек, осознающий «родство с властью» «морально стеснялся» бы протестовать против ее решений. Такая расстановка акцентов существенно повышала легитимность власти в общественном восприятии.

Таким образом, формирование легитимного образа власти осуществлялось агитационно-пропагандистским аппаратом в контексте массовой «политической социализации» населения, формирования массовой политической культуры посредством апеллирования к авторитету революционных вождей, использования

неосознаваемых компонентов восприятия, «рекламирования» социальных и политических «идей-проектов» государства. Вторым аспектом легитимизации властных полномочий был связан с изменением форм участия населения в общественной и производственной жизни, при котором происходило вовлечение человека в политическое пространство, повышалась его сопричастность процессу реализации государственной политики и моральная ответственность за выполнение поставленных задач.

-
1. Кабацков А.Н., Кимерлинг А.С., Лейбович О.Л. Игра на два поля: к формированию политических коммуникаций в современной России // Ученые записки гуманитарного факультета Пермского государственного технического университета. Выпуск 8. Пермь, 2004. С. 221.
 2. Харченко К.В. Мышление «человека власти» первых послеоктябрьских лет: анализ регионального материала // Источники гуманитарного поиска: новое в традиционном. Белгород, 2002. С. 159.
 3. Загребин С.С. Метаморфозы культуры. Культурное строительство на Южном Урале в 1929–1941 гг. Челябинск, 2002. С. 228.
 4. Государственный общественно-политический архив Пермской области (ГОПАПО). Ф. 2. Оп. 7. Д. 26. Л. 230.

**Казакова Н.С.
(Нижевартовск)**

К вопросу об организации работы школ ликвидации неграмотности в 1930-е гг. в Остяко-Вогульском округе

В советской исторической литературе уделялось большое внимание исследованию вопросов, посвященных культурным преобразованиям у народов Севера и ликвидации неграмотности в контексте этих преобразований (1). Общим для трудов указанных авторов являлось и то, что мероприятия, проводимые для ликвидации неграмотности, имели однозначно положительный результат. Весьма распространенной точкой зрения является то, что неграмотность на Севере была ликвидирована к началу Великой Отечественной войны. Как правило, в работах историков советского времени лишь вскользь упоминается о существовавших проблемах (недоверие местного населения, отсутствие ликвидаторов, отдаленность поселений). Положительно оценивалась работа Красных чумов и культбаз и школ